

СОДЕРЖАНИЕ

Книга далекая и близкая

Б. Шидфар

9

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ

(избранные сказки)

РАССКАЗ О ЦАРЕ ШАХРИЯРЕ И ЕГО БРАТЕ

31

Рассказ о быке с ослом

37

Сказка о купце и духе

41

Рассказ первого старца

43

Рассказ второго старца

47

Рассказ третьего старца

51

Сказка о рыбаке

53

Повесть о везире царя Юнана

58

Рассказ о царе Ас-Синдбаде

63

5

Сказка о коварном везире

65

Рассказ заколдованного юноши

79

СКАЗКА О ГОРБУНЕ

89

Рассказ христианина

95

Рассказ надсмотрщика

108

Рассказ врача-еврея

118

Рассказ портного

126

Рассказ цирюльника о самом себе

140

Рассказ о первом брате цирюльника

142

Рассказ о втором брате цирюльника

146

Рассказ о третьем брате цирюльника

151

Рассказ о четвертом брате цирюльника

154

Рассказ о пятом брате цирюльника

157

Из "РАССКАЗОВ О ЖИВОТНЫХ И ПТИЦАХ"

Рассказ о лисице и волке

165

6

РАССКАЗ О ХАТИМЕ АТ-ТАИ

180

РАССКАЗ О ХАЛИФЕ ХИШАМЕ И ЮНОШЕ

182

РАССКАЗ О ХАРУНЕ АР-РАШИДЕ

И СИТТ-ЗУБЕЙДЕ

185

РАССКАЗ О ХАЛИФЕ, НЕВОЛЬНИЦЕ

И АБУ-НОВАСЕ

187

РАССКАЗ О ХАСИБЕ И ЦАРИЦЕ ЗМЕЙ

189

СКАЗКА О СИНДБАДЕ-МОРЕХОДЕ

241

Рассказ о первом путешествии

245

Рассказ о втором путешествии

254

Рассказ о третьем путешествии

263

Рассказ о четвертом путешествии

275

Рассказ о пятом путешествии

289

Рассказ о шестом путешествии

299

Рассказ о седьмом путешествии

308

РАССКАЗ О ДАЛИЛЕ-ХИТРИЦЕ
И АЛИ-ЗЕЙБАКЕ КАИРСКОМ

319

СКАЗКА О НУР АД-ДИНЕ И МАРИАМ-КУШАЧНИЦЕ

388

РАССКАЗ О ЦАРЕ ШАХРИЯРЕ И ШАХРАЗАДЕ

[*заключение*]

483

РАССКАЗ ПРО АЛА АД-ДИНА
И ВОЛШЕБНЫЙ СВЕТИЛЬНИК

485

РАССКАЗ ПРО АЛИ-БАБА И СОРОК РАЗБОЙНИКОВ
И НЕВОЛЬНИЦУ МАРДЖАНУ,
ПОЛНОСТЬЮ И ДО КОНЦА

561

Примечания

617

КНИГА ДАЛЕКАЯ И БЛИЗКАЯ

Джинны и колдуны, запечатанные тайным словом сокровища, волшебные кольца и светильники, очарованные юноши и лукавые красавицы — таким открылся в начале XVIII века Европе причудливый, пестрый, загадочный мир арабских сказок “Тысячи и одной ночи”.

Богатство слова и воображения поразили европейского читателя нового времени не меньше, чем пестрота тканей, блеск хрустальных и стеклянных чаш, мерцание стали мусульманских клинков поражали средневековых рыцарей-крестоносцев. Могущественные великаны-ифриты и вылетающие из кувшина черным дымом мятежные духи затмили прозрачных эльфов и фей; герои рыцарских романов и древних легенд словно бы потускнели перед творениями фантазии народов Востока.

Герои сказок “Тысячи и одной ночи” живут не в мрачных замках, чьи замшелые камни сочатся сыростью, не бродят среди полей и дубрав — они нежатся в невиданной роскоши беломраморных дворцов, полы которых устланы бесценными коврами, а кровля облицована червонным золотом, скитаются по Камфарной земле, восходят на чудесную гору Каф, плывут по южным морям к таинственным островам, где зреют говорящие плоды, летят на волшебном коне из черного дерева...

В этой яркости и красочности “Тысячи и одной ночи” — секрет ее популярности в Западной Европе, где осуществлялся один перевод за другим, появлялись переделки и обработки отдельных ее сказок. Восток снова, как в средние века, возбудил живой интерес.

“Восточные мотивы” у Вольтера и Монтескье, “Западно-восточный диван” Гете, захваченного дивным величием Хафиза и Саади, Азра, умирающий от любви у Гейне, сказки на темы “Тысячи и одной ночи” Гауфа, “ориентализм” Байрона, поклоняющийся дьяволу халиф в “Ватексе”, “арабской сказке” Бекфорда, утонченные андалусские рыцари Абенсераджи Шатобриана – вот лишь наиболее яркие проявления этого интереса, характерного почти для всех предромантиков и романтиков Западной Европы, прозаиков и поэтов.

Не миновала увлечения “восточными” темами и Россия.

И, может быть, лучшим из всех произведений европейских поэтов на “восточные темы” были “Подражания Корану” и “Пророк” Пушкина, сумевшего гениально передать и напряженную эмоциональность, и величавый пафос арабской поэтической образности.

Но “Тысяча и одна ночь”, хотя она и была известна русским читателям по вольному переложению Сенковского и по французскому переводу Галлана, не пользовалась в России столь большой популярностью. Восток был близко, он вплотную соприкасался с Россией, был ее частью, внес немалую долю в создание русского фольклора, особенно легенды и сказки. Восток был лишен здесь ореола экзотики. Но, что весьма важно, русская культура тогда была обращена в основном к культуре западной, к передовой европейской философии, эстетике, литературе.

* * *

Что же такое “Тысяча и одна ночь”? Этот вопрос задает себе внимательный читатель, пытающийся разобраться в хитросплетении самых разнородных сюжетов, которые рождаются здесь друг из друга, перебивают друг друга, которые кончаются будто лишь для того, чтобы в несколько измененном виде встретиться в следующем повествовании. Что заключено в обширную рамку рассказа о находчивой Шахразаде и жестоком Шахрияре, мстящем за свою поруганную честь?

Бесконечно расширяясь, эта рамка включает в себе целый мир, живущий по своим законам, отражающий жизнь многих по-

колений разных народов, творчество которых на протяжении нескольких веков вливалось в общее течение великой арабо-мусульманской культуры, питало народную традицию Ирана, Ирака, Сирии и особенно Египта, где свод “Тысячи и одной ночи” получил окончательное оформление.

Попробуем проникнуть в этот мир изнутри, познать его закономерности, противоречия, неминуемые в столь сложном единстве.

Посмотрим сначала, что говорит сказочник об устройстве земли. Земля — это плоский диск, находящийся на рыбе. Диск окружен великим горным хребтом Каф, за которым простирается Камфарная земля, где находится слияние соленых и пресных вод, разделяемых ангелами. Один из ангелов восседает на самой высокой вершине гор Каф, сжимает в руке жилы земли, и если он встряхнет их, случается землетрясение. Особый ангел ведает великой рекой — “благословенным Нилом”. Он следит за тем, чтобы уровень Нила всегда был один и тот же, чтобы разлив его животворных вод приходился всегда на одно и то же время года. Истоки великой реки Нил находятся под хрустальным куполом у горы Каф, откуда вытекают также реки Евфрат, Джейхун (Аму-Дарья) и Сайхун (Сыр-Дарья).

Под диском земли находится огромная змея, проглотившая, по приказанию Аллаха, геенну огненную, и пасть этой змеи всегда открыта для грешников.

На вершинах горы Каф живут многочисленные племена джиннов — существ, сотворенных из огня. Одни из них — неверные, другие — мусульмане, и “джинны-мусульмане” постоянно ведут священную войну со своими соседями-язычниками.

Напротив горы Каф, на другом конце мира (правда, мир круглый, но это не смущает сказителя), находится страна сокровищ, а еще дальше, за высокой стеной, обитают таинственные племена Яджудж и Маджудж, которые упоминались еще в Библии, как Гог и Магог.

В таком виде — продолжает сказочник — мир будет существовать до Судного дня, когда архангел вострубит в трубу и мертвые восстанут из могил. А что будет дальше — об этом слушатель знает из священной книги — Корана. Конечно же, грешники — богатые,

жадные, скупые — попадут в геенну огненную, а хорошие и добрые люди войдут в райские кущи.

Но тут со сказочником, рассказывающим о похождениях Булукии, вступает в спор ученая невольница Таваддуд, посрамившая знаниями и красноречием всех знаменитых ученых в присутствии самого халифа Харуна ар-Рашида. Нет — говорит она — мир устроен не совсем так. Он круглый, а над ним вращаются семь сфер, несущие семь планет.

Таваддуд не упоминает о горе Каф и о хрустальном источнике, — она ведь училась географии и знает, что реки Сайхун и Джайхун, Евфрат и Нил находятся далеко друг от друга, она может даже начертить карту, где мы, правда, с трудом, узнаем контуры Средиземного моря, Аравийского полуострова, островов Индийского океана.

Таваддуд не скажет ни слова об островах Вак, где плоды, имеющие вид людей и животных, прославляют Аллаха, она будет утверждать, что это рассказы “невежественного простонародья”. Она не будет подробно описывать строение ада, со средневековой “точностью” перечисляя семьдесят тысяч огненных долин, в каждой из которых семьдесят тысяч огненных городов, в каждом из которых семьдесят тысяч огненных крепостей, огненных лож, видов пыток — и все это только в верхнем слое ада!

Зато она педантично назовет имена каждого из семи кругов геенны огненной, известные богословам так же хорошо, как число букв в каждом стихе Корана. Но и Таваддуд согласится со сказителем, ведущим рассказ о Булукии, что на севере находится Море мрака, где жизнь невозможна. И хотя Таваддуд знает, как некоторые мусульманские ученые, что земля имеет форму шара, но все же изобразит на своей карте “окружающее море” — омывающий обитаемую часть земли мировой Океан, заменивший горный хребет Каф.

Так сливаются в мире “Тысячи и одной ночи” средневековая ученая и народная традиции, так создается космогония, где сплелись народные мифологические представления о мире с научными, или близкими к научным, воззрениями мусульманских ученых, основывающиеся главным образом на системе Птолемея.

Сказки уносят нас то в Багдад, Басру, Дамаск, Каир, Андалусию, то в Медный город или во владения Синего царя джиннов.

Но повсюду, идет ли речь о простых людях — ремесленниках, купцах, путешественниках, либо о царях, везирах, волшебниках и чародеях — перед нами люди одной эпохи, одного мировоззрения, одного общества.

Как большой портовый город, подобный Александрии, соединил пришельцев из разных стран, сплавил унаследованные им традиции древнеегипетской и эллинистической культур с арабомусульманской, так Шахразада соединила в своих рассказах разноплеменных героев — арабов и индийцев, персов и жителей Китая. О чем думают эти герои, как поступают, каковы их идеалы?

Желая наставить царя Шахрияра и вместе с ним читателя (вернее, слушателя) на путь истинной добродетели, Шахразада рассказывает сказки и притчи, в которых говорится о том, каким должно быть человеческое общество, каким должен быть человек. Этот вопрос не нов. Еще Платон нарисовал “идеальное общество” в виде гармонического единства, и арабомусульманская культура, наследница греческой, восприняла основные положения греческой и эллинистической этики, на которые наслоились элементы собственно мусульманские. В X веке аль-Фараби, называющий, вслед за Платоном, идеальное общество “идеальным городом”, определяет основные “добродетели” людей — членов идеального общества, в XI веке Ибн Мискавейх пишет этические трактаты и “заветы”, призывая своих современников к самосовершенствованию и “смягчению нравов”.

“Тысяча и одна ночь” посвящает этому повествование о царе Азадбахте и его десяти везирах, рассказ о Джиллиаде и Шимасе, множество коротких притч о животных.

Каковы же те этические идеалы, которых должен придерживаться слушатель, привыкший к сочетанию занимательного с дидактическим? Лучшая из добродетелей — сдержанность и терпение, говорит сказитель. Только единственно благодаря сдержанности не казнил царь Азадбахт своего сына, не узнанного им, только благодаря терпению спасается человек, попавший в беду. Не менее важно и благоразумие, умение обуздать свои желания, стремление не быть рабом страстей. Так, царь Джиллиад, отличавшийся в детстве необычайным благоразумием, мудро правит государством. Но стоит ему изменить благоразумию, и подданные

восстают против него, и лишь разум вновь выводит его “на путь добра”. Сказитель призывает сильных мира сего: “Будьте справедливы, не притесняйте подданных, руководствуйтесь в своих поступках справедливостью и милосердием”. Обычно справедливость в “Тысяче и одной ночи” торжествует, злые цари лишаются престола, злые жены умирают лютой смертью, лицемеры и клеветники бывают разоблачены.

Но всюду ли? Шахразада беспристрастна. Рассказав о посрамлении лживых старцев и о наказании, ниспосланном жестокому царю, она переходит к повествованию о хитрой Далиле и коварной Зейнаб, о “молодцах” — членах братства разбойников и грабителей Хасане-Шумане и Али-Зейбаке, юрком, словно ртуть, отчего и получил он свое имя.

И совсем другие добродетели ценятся в мире героев этих рассказов — не благоразумие, но хитрость, не сдержанность, но сила и напористость, не терпение, но безудержность желаний. В историях о “ловкачах” действие перехлестывает грани сказки, перенося нас в иной, реальный мир. Да разве похож халиф Харун ар-Рашид на “идеального” — мудрого и благоразумного правителя, пекущегося о благе своих подданных? Переодевшись, он ходит ночью по городу якобы для того, чтобы посмотреть, как живет народ, а на самом деле для того, чтобы удовлетворить свою необузданную и недостойную “повелителя правоверных” страсть к приключениям. А его могущественная супруга “госпожа Зубейда” нередко идет на преступление из ревности, проявляет неоправданную жестокость по отношению к своим невольницам, к Абу-Новасу, любимому поэту халифа.

Идеал не совпадает с действительностью, и Шахразада-сказочница, вернее, говорящий от ее имени сказитель не пытается примирить их, одно существует рядом с другим.

* * *

Но одна добродетель процветает везде, это — красноречие.

“В красноречивой речи — волшебство” — это изречение, взятое из Корана, было любимо арабскими средневековыми литера-

торами, утверждавшими, что “пророк” Мухаммед, основатель ислама, избран богом главным образом из-за своего красноречия.

Ничем не гордились арабы так, как присущим им с древности даром слова. Опершись на посох, пастух-бедуин произносил вдохновенные стихи, прославляя свое племя, странствующий рапсод хранил в памяти сотни стихов из древних поэм, помнил все подвиги кочевых племен, а рассказчик “народных романов”, таких, как “Жизнеописание Антары”, “Сказания о подвигах племени Бену Хилаль”, “Жизнеописание царя Сейфа ибн Зу Язана” или вошедшие в сборник “Тысячи и одной ночи” “Повесть об Омаре ибн ан-Нумане”, “Повесть об Аджипе и Гарибе”, пользовались дошедшими до них издавна и освященными традицией формулами-описаниями. Сотни таких формул мы видим в повествованиях “Тысячи и одной ночи”.

Слово здесь — могущественная стихия, оно подхватывает самые разнородные сюжеты, известные нам и распространенные в фольклоре других народов, — о волшебной одежде из перьев, чудесных предметах и превращениях, о злой жене и неверных братьях, — и облакает их в пестрый наряд, придающий им неповторимое своеобразие и отличающий от сказок других народов.

Где еще найдем мы подобное кружевное “плетение словес”, орнамент синонимов и созвучий, мозаику рифмы, невымученной и естественной? Повествование льется легко и плавно, а там, где сказителю нужна рифма, он не задумывается над ней — ему помогает и необыкновенное лексическое богатство арабского языка, и многовековая традиция, донесшая до него ряд рифмующихся слов — двух, трех, четырех и более.

“Тысяча и одна ночь” являет собой яркий пример декоративности, присущей всем видам арабо-мусульманского искусства. Словесное оформление сюжетов так же красочно, как сверкающий золотом и лазурью орнамент восточных рукописей, мечетей, ажурных светильников, а кажущаяся беспорядочность рассказов сплавлена чудесной гармонией “красноречивого слова”, объединившей разнородные и часто противоречащие друг другу части этого грандиозного свода в единое целое. И если в древнеарабской поэзии стихотворение начинается с постоянного зачина-воспоминания о покинутом кочевье возлюбленной, то и здесь

любовные эпизоды, описания красавицы, цветущего луга, роскошного дворца всегда традиционны. Но это не лаконичные сказочные формулы русских сказок, а сложный узор рифмованных периодов со своеобразным ритмом, нигде не сбивающимся на ритмы прозы.

Сила “Тысячи и одной ночи” — в ее традиционности, ведь вдохновение сказителя сливается с восторгом слушателя, который заранее ждет знакомые слова, знакомые образы, знакомые рифмы, — и тем больше радость узнавания!

Может быть, часто сказителю важен даже не сам сюжет, а именно его словесное оформление, всегда новое, несмотря на традиционность, — ведь традиционные формулы скомпонованы всякий раз по-новому, по-иному, как в калейдоскопе из нескольких кусочков разноцветного стекла создается неисчерпаемое богатство узоров. Красноречие сказителя и, соответственно, его героев — результат не изучения научных трудов по грамматике, логике, поэтическому и ораторскому искусству, это наследственное профессиональное мастерство, перешедшее к рассказчику от отца и деда. Сказитель нуждается в записи лишь для того, чтобы восстановить в памяти порядок сказок, эпизодов, стихов (которые могут варьироваться в разных сводах “Тысячи и одной ночи”), — традиция подсказывает ему оформление этих эпизодов, будь то сцены разлуки и свидания, битвы и пира, описания красавца, красавицы или цветущего луга.

А в сознании его слушателя слово становится делом. Слушатель как бы переносит себя в сказку, сопереживание становится переживанием. Недаром сложены рассказы о слушателях приключений Антары и Сейф аль Мулука, которые, расставшись со сказителем, прервавшим повествование на самом интересном месте, не знали покоя и буйствовали всю ночь, пока разбуженный ими сказитель не досказывал эпизод до благополучного конца.

Красноречивый человек, кем бы он ни был — мудрецом-философом, юной рабыней, нищим бедуином или могущественным правителем, — неизменно вызывает уважение и восхищение. Красноречие ценится больше, чем богатство, чем деньги. Деньги можно быстро истратить, а красноречие остается навеки, деньги мо-

гут попасть в руки недостойному и невежественному человеку, красноречие — дар, достаемый лишь немногим достойным.

Объединенные ярким искусством арабских народных сказителей, в “Тысяче и одной ночи” живут эмиры и султаны, ремесленники, купцы и “ловкачи”. Каково же отношение к различным слоям общества, процветающего в мире этого грандиозного свода, кто его главный герой? Отвечая на этот вопрос, мы тем самым вернее всего определим, кем создана “Тысяча и одна ночь”, кем выбраны из необозримого богатства средневековой арабской “ученой” и народной литературы отдельные повести и рассказы, вошедшие сюда, сказки, притчи и повествования о знаменитых людях арабской древности и средневековья?

В средние века в арабской письменной литературе были распространены книги типа “Зерцал”, обращенные к царям и царедворцам, которым предписывался строгий этикет, давались рекомендации, как управлять подданными, как внушать уважение к власти. В эти книги включался также минимум сведений по основам всех известных в то время наук.

В “Тысячу и одну ночь” попало немало отрывков из “царских зеркал”, в ее сказках и повестях действуют бесчисленные цари и султаны, правящие людьми и джиннами. Но все они сведены к нескольким типам — либо это настоящие “сказочные” цари (Синий царь, Красный царь, правитель Камфарной земли и так далее), либо бледные и невыразительные персонажи дидактических повествований, трактующих о неминувости смерти, о пользе благоразумия и вреде поспешности, либо своевольные тираны вроде халифа Харуна ар-Рашида. Нет, не цари и везири истинные герои сказок.

Кто же подлинный герой “Тысячи и одной ночи”, пользующийся всеобщими симпатиями? Ну конечно, это предприимчивый и отважный купец, открыватель новых земель и морей, которого влечет в путь не столько жажда наживы, сколько неуемная любознательность.

Во всех частях “населенного мира”, как говорили средневековые арабские географы, — в Китае, Индии, Европе, на островах Индийского океана, — побывали великие арабские путешественники Ибн Баттута и Ибн Фадлан, оставив нам свои мемуары с опи-

санием неведомых народов и земель, открытых ими для арабо-мусульманской науки.

А герой “Тысячи и одной ночи”, неугомонный Синдбад, переживает приключение за приключением. Тягот первого его путешествия хватило бы иному на всю жизнь, но Синдбад вновь и вновь пускается в странствия. Он без страха грузит свои товары на корабль, хотя не раз становился жертвой кораблекрушения. Отправляясь в дорогу, Синдбад не думает об опасностях, несмотря на то что его никак нельзя назвать бесстрашным. Но любознательность пересиливает страх, и Синдбад снова снаряжает корабли к таинственным островам, населенным гулями-людоедами, гигантскими птицами, неведомыми народами со странными обычаями.

По опасным дорогам пустыни, где путнику угрожают не только голод и жажда, но и свирепые и безжалостные бедуины-разбойники, ведет караван со своими товарами египетский юноша Алад-Дин Абу-ш-Шамат – “обладатель родинок”. Правда, ему помогают святые-покровители, но в основном он надеется на себя – на свою ловкость, смекалку и удачу.

Сказитель не устает рассказывать нам о приключениях купцов. Они то приобретают сказочные богатства, добывая драгоценные камни невиданной величины, дорогие товары, серебро и золото, то оказываются нищими. Но они редко впадают в отчаяние, они борются до последнего. Из пещеры людоеда, мрачного подземного склепа, с затерянного в морях острова спасаются они благодаря своей поразительной жизненной силе и изворотливости. Все идет в ход – и хитрость, и обман, и убийство, – лишь бы выжить, сохранить свою жизнь для новых приключений. И сказитель восхищается этой неистребимой жизненной силой не меньше, чем красноречием, силой, идущей из народных глубин и вечной, как сам народ.

Не меньшей симпатией сказителя и, естественно, его слушателей пользуются ловкие и умелые ремесленники – башмачники, кожевенники, цирюльники. Они не кажутся “маленькими людьми”, в них нет никакой приниженности, угодливости, сознания своей незначительности. Мастер – почетное прозвище, и ремесленник гордится этим прозвищем и своим занятием не меньше, чем эмир своей властью.

“Ремесло угодно богу и полезно людям” — так считали еще в IX веке арабские философы, называвшие себя “чистыми братьями”. Не случайно поэтому, что в “Тысяче и одной ночи” постройка хорошей бани, изготовление удобного седла, окраска тканей в яркие цвета, неизвестные людям той страны, щедро вознаграждаются, а мастер становится приближенным царя.

И поэтому так восторженно описывает сказитель все перипетии “борьбы плутов” — Далилы и ее дочери Зейнаб и Хасана-Шумана и его ученика Али-Зейбака каирского.

С древности существовало на Ближнем Востоке своеобразное могущественное братство бродяг и плутов, которых насмешливо называли “сасанидами”, по имени древней иранской династии Сасанидов, или “айярами” — бродягами. Это братство было одинаково сильно в Иране, Ираке и Египте, и народ рассматривал его членов как своих заступников, хотя нередко страдал от них. Далила, Зейнаб и Али превозносятся в “Тысяче и одной ночи” как “мастера хитрости и коварства”, о их проделках рассказывается с упоением. Это настоящий апофеоз находчивости и хитроумия, жизненной, а не книжной “мудрости”, умеющей извлечь для себя пользу в самом, казалось бы, безвыходном положении. Далила, привязанная за волосы к кресту, не только спасается, но и отнимает коня у доверчивого и простоватого бедуина, приехавшего в город, чтобы поесть пирожков в меду! Здесь не до идеальных добродетелей, не приходится думать о сдержанности, терпении, верности. Но меткое и красноречивое слово ценится в любых обстоятельствах, — предводитель багдадских “молодцов” вызывает к себе из Каира Али-Зейбака стихотворным посланием!

Зато к “профессиональным военным” отношение сказителя в высшей степени скептическое. Воинские подвиги воспеваются лишь в “народных романах” или “народных повестях”, где они отличаются гиперболизированным, сказочным характером. “И сшиблись всадники, как сшибаются две скалы”, — начинает сказочник описание сражения, а затем идут традиционные формулы, звучная рифмованная проза, повторяясь от одного эпизода к другому почти без изменений. Слишком долго страдал народ от притеснений дейлемских, сельджукских и прочих “мутагаллибов” — захватчиков, слишком ненавистными были для горожан